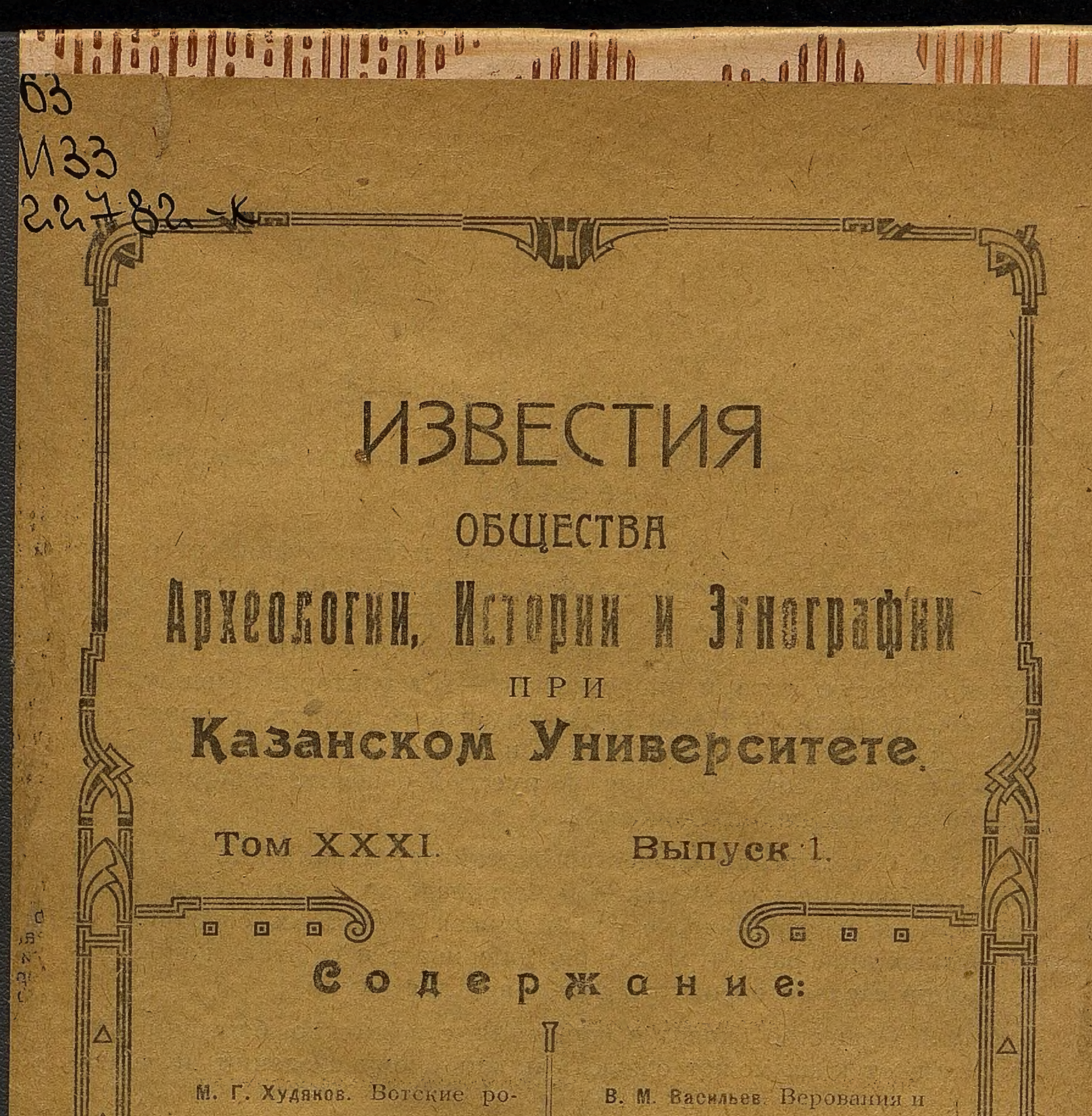

ИЗВЕСТИЯ
ОБЩЕСТВА
Археологии, Истории и Этнографии
при
Казанском Университете

Том XXXI. Выпуск 1.

Содержание:

КАЗАНЬ.
1-я Государственная Типография.
1920.

Извлечение из устава

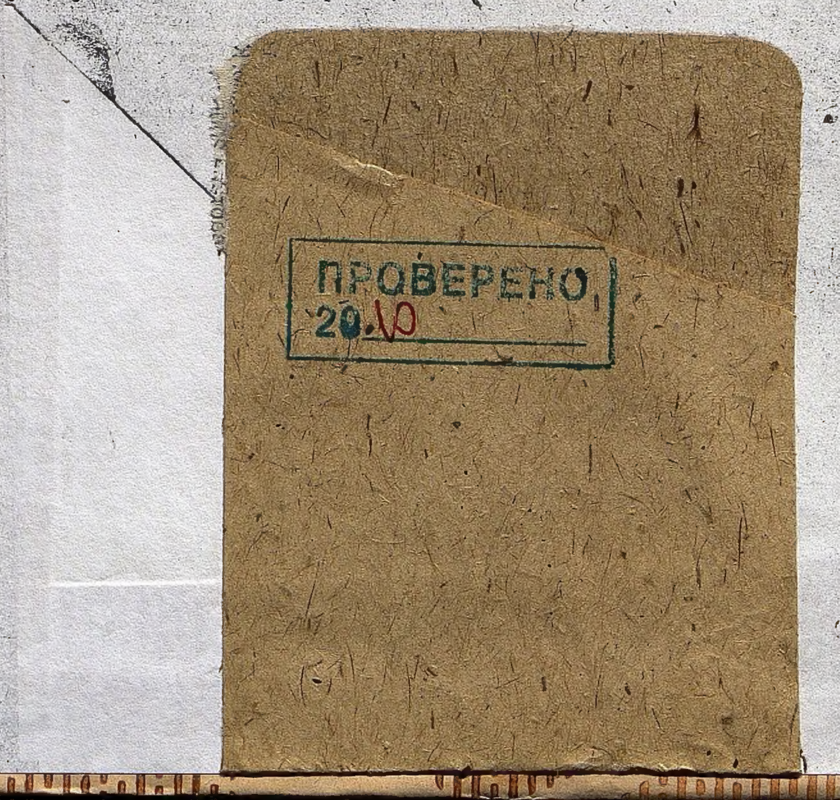
Общества Археологии, Истории и Этнографии при Казанском Университете.

§ 1. Общество Археологии, Истории и Этнографии, состоящее при Казанском Университете, имеет целью изучение вопросов археологии, истории и этнографии вообще, главным же образом изучение прошедшего и настоящего русского населения в пределах русского государства и инородческого—в территории бывших Болгарско-Хазарского и Казанско-Астраханского царств, с прилегающими к ним местностями, а также Сибири и Средней Азии; а равно имеет целью распространение в русском обществе сведений по предметам изысканий Общества.

§ 2. С сею целью Общество отыскивает и приводит в известность собранные уже сведения и материалы археологические, исторические и этнографические, хранящиеся в местных собраниях и у частных лиц, рассматривает их, оценивает и решает, какое может быть сделано из них употребление для науки.

§ 3. Общество входит в сношения с возможно большим числом лиц, от коих может ожидать нужных ему сведений и содействия.

§ 4. Общество само производит ученые исследования для собрания новых сведений или для проверки и пополнения тех, которые уже имеются, устраивая для этого экспедиции и выставки.

ворят, что умерший все это делает по любви: „любя держит, любя заслоняет“. В таком случае делают обещание (шэрыштат) поставить свечу и устроить угощение.

Душам давноумерших приписываются и умышленные вредные действия, например, им приписывают порчу хлебных растений путем насылания на них червей. У восточных черемис им делаются обильные угощения, нечто в роде жертвы. В разных местностях угощения эти бывают в разные сроки, одни делаются ежегодно, другие через каждые три года и больше, но везде закалывается черный бык, причем прежде пользовались для этого краденым быком и только в последнее время стали покупать.

О значении поминовений покойников нами достаточно было сказано в предыдущих главах. Здесь же прибавим лишь некоторые соображения по поводу смешения поминаний с жертвами. Предлагаемые умершим угощения не жертва, а только реальная форма выражения чествования. Конечно, умершие, как духи, не могут вкушать предлагаемых им угощений, но если понятны жертвы, приносимые богам, которые, как духи, тоже не вкушают их реально, то почему же не понятны угощения, делаемые умершим (стр. 73)? В сказанных угощениях можно лишь отметить, что люди, а простой народ в особенности, не может выражать своего почтения без реальных образов, без тех самых предметов, в форме которых привык он и сам получать чествование от других. Предлагая умершим угощения, черемисы не просят их, чтобы они реже навещали своих родных, такая просьба будто бы делается из боязни несчастий и убытков, причиняемых умершими (стр. 74). Напротив, часто бывает, что если покойники не снятся, напр., родным, то это доставляет им даже печаль. С другой стороны, при желании живущие здесь родственники умерших всегда очень легко могут отделаться от умерших. Для этого достаточно пожаловаться на них начальнику загробного мира „Квамат тора“, который и лишает умерших установленных отпусков. Но к этому крайнему средству черемисы прибегают очень редко (дер. Бол. Шали, Царев. у.).

В. М. Васильев.

Творчество чуваш.

СКАЗКА.

Сказка у чуваш самый любимый вид устной словесности; она отдых от занятий; она вместе с тем упражнение народной мысли и чувства. Хороший сказочник говорит красно; ласкает слух, но в тоже время будит в народе и вызывает новые силы для борьбы с невзгодами. Основная идея сказки: угнетаемый восторжествует, правда и добро победят, не смотря на ухищрения зла. Сказка всегда являлась нравственной поддержкой для народа; она сберегала силы народные, не допуская их разложения и конечной гибели. Таким образом значение сказки для чувашина и художественное, и нравственное.

Мотивов в сказках немного: 300—400. Но общее количество сказок довольно значительное. Собиратели чувашских сказок насчитывают их у себя тысячи. В собрании Н. В. Никольского имеется свыше тысячи сказок. Описание их помещено проф. В. Н. Андерсоном в финских и итальянских изданиях по фольклору. В собрании Н. И. Ашмарина, в Симбирской чувашской учительской семинарии имеется также немалое количество чувашских сказок. Частичные собрания имеются у проф. В. Н. Андерсона, П. В. Васильева, И. Д. Никитина и др.

Всё-ли в этих сказках самостоятельно, где и как появились заимствования, решить очень трудно. Чисто народная сказка иногда заменяет собственное языческое имя христианским, замена произошла, несомненно, в новейшее время, когда чуваши, благодаря школе и церкви, более привыкли к собственным христианским именам, а старые имена в массе своей оставили, как пережитки старины. В самом изложении иногда к древнейшему сюжету сделано новое наслоение; наряду с обычными для старого времени орудиям охоты: луком, стрелой, вдруг появляется ружье, пистолет или даже револьвер; сказочный герой иногда в своем образе жизни представляет некоторое раздвоение: он по существу, несомненно, охотник и кормится, главным образом, дичью, но в некоторых сказках в самой примитивной домашней обстановке является совершенно негармонирующий с ней самовар.

По словам проф. В. Н. Андерсона, специально изучившего чувашские сказки по различным рукописным собраниям, сказочные мотивы у чуваш имеют сходство с мотивами, не только тюркских и финских племен Поволжья, но так же европейских народов—русских, германцев, французов, итальянцев и др. Вопреки теории Веселовского о заимствованиях, В. Н. Андерсон утверждает, что гораздо труднее доказать заимствования, чем одновременное творчество. Во всяком случае исследователь должен в первую очередь изучить всю наличность, какова бы она ни была. Вопрос же о происхождении сказок путем заимствования (теория Всеволодского), одновременного творчества или самозарождения (антропол. теория англ. ученого Ланга), может быть вполне разрешен только по достаточном изучении сказочной наличности у всех народов.

В древнейшем своем виде чувашская сказка содержит древнейшие миѳы, верования, коренившиеся в сердце чувашина. Такая сказка не стремится поучать или описывать лучшие нравы. В настоящее время сказка не имеет уже своего прежнего религиозного характера. У молодого поколения нет сознания важности основного миѳа; поэтому нет и бережного обращения со способом сказочного выражения. Когда-то священное содержание нередко втесняется в самые обыкновенные рамки житейской и булничной жизни.

Сюжетом сказки служит решительно все: мир внешний во многообразии своих проявлений и внутренний мир самого человека, жизнь семейная, общественная. Доброе и злое начала борются всюду, но побеждает, в конце концов, доброе. Приводим буквальный перевод одной из таких сказок.

У одного человека, говорит сказка чуваш Ядрин. у., было 3 сына; младшего отец не долюбливал. Старшего и среднего поженил, младшего не женит. Этот человек утром делает 3 стрелы и уходит. Потом говорит младшему сыну: пойди, найди эти стрелы, тогда поженю тебя. Младший сын встает и уходит. Подходит к реке и видит рябую лягушку. Одна из стрел вонзилась в эту лягушку. Как только взял стрелу, лягушка прыгнула на плечо ему и обняла за шею. Парень хочет уронить ее, трясет—трясет, лягушка не падает. Тогда возвращается домой в таком виде. При возвращении домой, лягушка говорит ему: я буду твоей женой; придешь домой, не показывай меня своим родителям; как придешь, впусти в теплый хлев (мăклă витене). Приходит домой и выпускает в хлев. Потом входит в избу и дает отцу стрелу. Тогда отец говорит: ну, теперь одну нашел, если найдешь еще две, поженю. Парень говорит отцу: к чему мне жениться; у меня есть рябая лягушка. Затем выходит и отправляется в хлев. Упомянутая рябая лягушка стала девушкой; осветилась ярко белым светом. Жена говорит ему при выходе на двор: другая твоя стрела упала на избу, тогда

Иван залезает, берет стрелу и отдает отцу. Опять выходит к своей жене. Жена говорит: другую стрелу не сможешь достать собственными силами; иди туда, где нашел меня. Иван уходит. Идет—идет; приходит к тестю. Жалуй-ка, зятёк, (килах кӗрӳ).—Иду, тестюшка. Ну, как ты возьмешь ту стрелу? Твоя стрела лежит на дикой свинье (капан сысна ҫинҫе). Я принесу тебе узду; ты выйди на двор, подойди к конюшням и, отворяя дверь каждой, тряси уздой; выведи ту лошадь, которая подойдет и сунет (голову). Тесть дает узду; зять входит в конюшни и трясет уздой. Много хороших лошадей, к узде нейдут; одна плохая лошадь сунула голову в узду. Тогда выводит лошадь, оглядывается назад, смотрит и говорит: множество жирных лошадей не суют своих голов; куда деваться с этой тощей лошадью. Потом все-таки вывел ту же лошадь. На ту же лошадь тесть положил седло. Дал Ивану собаку по кличке анҫӑк. Иван сел верхом на лошадь и отправился к кабану (капан—сысна). Ехали—ехали; лошадь устала. Анҫӑк говорит Ивану: побудь здесь; я тебе крикну: скачи. Затем анҫӑк подошел к кабану и начал кусать, откуда нужно было. Заставив своими укусами кабана подняться, анҫӑк закричал: скорей скачи. Иван настегал лошадь, поскакал, забрал стрелу и ускакал. Прибыл к тестю, возвратил лошадь; в это время тесть сказал: и чрез это не поженит тебя отец твой; он отправит тебя к дедушке за гуслями. Поел, попил и отправился к отцу домой. Отдал ему стрелу. Отец сказал: мой отец прежде сильно играл на гуслях (хытӑ калана). Поди и возьми эти гусли. Иван вышел и опять направился к тестю. Когда прибыл, тесть дал ему узду и сказал: Походи и потряси эту узду. Иван вышел, походил и потряс. Прежняя плохая лошадь подошла и сунула голову. Вывел ее. Тесть устроил седло, дал плетку. Иван выехал, проехав немного, стегнул лошадь и прискакал к началу долины. В той долине лежали старик и старуха, под ними был послан драный кафтан; накрылись они полушубком; говорят: тепло. Иван, говорят они, ты, наверное, отправляешься к дедушке, спроси-ка у него: долго-ли нам еще лежать. Ехал-ехал; опять на перекрестке лежат два человека; под ними послан новый полушубок; накрылись они новым тулупом; лежали, говоря: холодно, Иван, говорят они, ты, наверное, едешь к дедушке, спроси-ка у него: долго нам еще лежать здесь и мыкать горе. Спрошу и сообщу, пропустите, говорит Иван, Пропустили. Иван еще стегнул лошадь и прибыл к мосту, сделанный из людей. Иван, ты, вероятно, едешь к дедушке, спроси-ка у него: долго-ли нам здесь лежать?—Ладно, спрошу; переправь-ка. Переправили. Ехал, ехал, доехал до женщины (не-чувашки), которая мешала молоко с водой. И она: спроси-ка говорит. Ладно, спрошу, был ответ. Проехал некоторое расстояние, в загороди стояло много

жирных лошадей. Лошади сказали ему: Иван, ты, вероятно, едешь к дедушке; долго-ли нам стоять. Спроси-ка у дедушки.—Спрошу. Проехал мимо них. Едет далее. Проехал некоторое расстояние; другая загородь с тощими лошадьми. Они тоже сказали: спроси-ка.—Спрошу, был ответ. Иван едет дальше. Доехал до женщины, находящейся у полевых ворот. Она отворяла ворота языком. Иван, спроси-ка у дедушки.—Ладно, спрошу. Наконец, прибыл к дедушке. Вошел в избу, поздоровался. Меня отец прислал за гуслями, сказал Иван. А умеешь играть на гуслях? Не умею. Дед дал гусли, сыграл какой-то мотив. Ну, Иван, что видел и слышал на дороге? Сказал дедушка. Видел в начале долины 2 людей, лежат они, покрытые тулупом и говорят: холодно. Что им сказать? Что сказать: они прежде много воровали и кололи людского скота. Им лежать таким образом вечно. А что сказать старику и старухе, которые лежат на перекрестке дороги? Что им сказать: пусть они теперь же встают и уходят. Что сказать людям, из которых сделан мост? Прежде они убивали людей и бросали под мост. Им лежать там вечно. Что сказать женщине, мешающей молоко с водой? Ей вечно так быть за смешение молока с водой. Что сказать тучным лошадям, которые в загороди? Они пусть теперь же уходят. А что сказать тощим лошадям? Им вечно стоять так: раньше их хозяева кормили чужим, воруя у других. А женщине у полевых ворот? Она дразнила людей, высовывая язык; ей вечно там стоять. Иван берет гусли, садится на коня и отправляется домой. Едет—едет, доезжает до того человека около ворот. Спросил? спросил; пропусти-ка сначала, она пропустила; только удалившись на некоторое расстояние, сказал: ты дразнила людей высовывая язык; вечно тут стоять. Ай, надо было задержать его между воротами. Проехав некоторое расстояние, прибыл к давешним тощим лошадям. Спросил?—Спросил. Говори.—Немного от‘еду дальше. От,ехав дальше, сказал: раньше ваши хозяева кормили, воруя чужое; вам вечно стоять тут. Ай, его надо было залягать до смерти. После них доехал до тучных лошадей. Спросил?—Спросил. Говори. Вам, говорит, сейчас-же выходить.—Спасибо тебе, Иван, говорят. Проехал мимо их; едет дальше. Приезжает к людям, которые лежали на перекрестке дороги. Спросил? Да. Что?—Вам здесь лежать вечно. Потом доехал до женщины, мешавшей молоко с водой. Спросил? Да. Говори. Скажу, только немножко от‘еду дальше; от‘ехав сказал: тебе вечно быть тут за то, что мешала молоко с водой. Она сказала: надо было плеснуть горячим молоком. Немного пройдя доехал до начала долины, где были старик со старухой. Спросил? Вам сейчас же нужно встать и идти. Иван проехал мимо них, ехал—ехал и прибыл к тестю. Привез?—Да. В то время, когда ты приедешь, у отца будет по-

пойка; тебя заставят играть на гуслях. Старший брат и сноха будут плясать, тогда играй; будут плясать средний брат и сноха, и тогда играй; начнут плясать отец с матерью, пойди к дверям и повесь (гусли). Иван вышел, идет—идет и приходит домой и в самом деле, к его приходу собрались гости. Как только Иван вошел в избу, ему поручили играть на гуслях. Он играл, когда плясали старший брат со снохой и средний брат со снохой; когда же начали плясать отец с матерью, пошел к дверям и повесил (гусли). Когда наступил вечер, отец с матерью легли в переднем углу, а братья и снохи около двери. Тут же расступилась земля до половины избы и поглотила отца с матерью. (Этнограф. материалы Н. В. Никольского, т. 112, стр. 147—170).

Предания.

Предания чуваш это своего рода устная история народа. Инстинктивно народ хочет истории в полном смысле и желает жить вечно в потомстве. В то же время каждого интересует то, чем были его предки и как жилось им. Разрешению этих вопросов посвящены предания, связанные с возникновением селений, с курганами и городищами. Суммируя эти материалы мы будем иметь следующее. Первоначальной родиной чуваш был юг. Жили они отдельными родами; дети почитали родителей и слушали их; занимались охотой, рыболовством. Потом мало стало у всех земли и начали расселяться.

Около тысячи лет тому назад у чуваш были торханы; они избирались народом. Избирали обыкновенно одного на весь народ. Торханы правили и судили народ; строго наказывали провинившихся; учили народ правде и заставляли приносить животные жертвы; в начале лета, пред жнитвом, торханы обязаны были лично совершить жертвоприношение, на которое собирался весь чувашский народ.

По смерти торхана его место занимал другой; избирался он еще при жизни первого; учился у старого, в течении ряда лет, как совершать молитвы. Последний торхан жил там, где теперь торханское поле, к северу от Тюрлемы. В войне с татарским ханом он был убит и после него не было других торханов.

Хорошо жилось народам, когда было болгарское царство. Царь жил в с. Болгарах. Но у него была еще столица: это нынешний Верхний Услон. Потом она была перенесена на место современной Казани. Болгарский царь предварительно наложил на место предполагаемого города солому, на пространстве 4 верст и сжег ее. Этим путем он вывел отсюда змей. Во время сожжения соломы—один большой змей спустился в воду, в Кабан. Это означало то, что некогда город будет взят неприятелем.

И в самом деле случилось так.

Пришли татары и опустошили страну; татарские богатыри ходили по стране толпами, старых убивали, молодых уводили в плен, девиц бесчестили; золото, серебро и всякое добро отбирали от хана. Жители разбегались в разные стороны. Чуваши, черемисы и мордва стали жить в лесах, в глухих местах, по овражкам, куда трудно было приехать татарским богатырям, ездившим обыкновенно верхом на лошадях. Избу у них заменяла лачуга, сделанная из лубка. Зерно для хлеба мололи ручными жерновами; мясо жарили на огне, самою лучшей пищей считался мед.

Татарский хан—Темирхан поселился в Казани; позвал к себе торхана и потребовал от него и его народа принятия магометанства. Торхан собрал старейшин чувашского и черемисского народа и изложил пред ними волю царя; старейшины постановили отвергнуть царское требование. Темирхан выступил против чуваш с войском. Сеча была жестокая; чуваши и черемисы не выстояли: побежали в лес, а торхан был убит в битве. Это был последний торхан.

В татарское время у чуваш были правители—ставленники татарского царя Уразмед, а после него Анчик. 1-й был жестокий и во всем исполнял волю татар. Уразмед собирал для татар подати; захватывал силою девиц и представлял татарскому царю. Народ не взлюбил Уразмеда и убил его. Преемник Уразмеда Анчик был кроткий правитель. Он собирал подати со всех народов поровну и к царю ездил редко. Народ был так расположен к нему, что решил восстать против казанского царя Абдул-хана. Последний отправил людей взять Анчика. По приказанию Анчика, послы были заперты в пустой амбар и сожжены; тогда Абдул-хан явился сам с войском, но Анчика не было дома. Он ушел к русскому царю; на реке Москве чуваши, чтобы показать свою покорность, сели на колени, и, сняв шапки, кланялись каждому русскому человеку. Дали знать об этом русскому царю. Царь вышел к чувашам и сам убедился в их покорности. Царь спросил Анчика, можно-ли на них положиться. Анчик отвечал, что они не только не изменят русским, но сами будут участвовать в походе против татар и укажут дорогу. Царь послал с Анчиком отряд русского войска против татар. Чуваши, по приказу Анчика, давали русским войскам с‘естные припасы, показывали дороги, прокладывали через реки мосты и помогали в битвах с татарами. (Изв. Общ. Арх. Ист. и Этн. т. III, стр. 285—290).

Когда Казань стала русским городом, а татарское царство русским царством, чуваши получили много земли. Право на землю было скреплено особыми грамотами за золотыми печатями.

На некоторых из них было изображение царя в остроконечной шапке.

Русские правители казанской области позволяли себе обижать чуваш, брать лишние подати, бить неисправных плательщиков. Этим чуваши были не довольны. Когда явились посланные от Разина, чуваши решили помогать ему людьми, деньгами и припасами. За свою помощь они были строго наказаны.

В другой раз среди чуваш ходил Пугачев, говорил, что он настоящий русский царь; дарует всем волю, сколько угодно земли. Чуваши поверили ему и пошли за ним и опять были наказаны за измену.

Было время, когда русские хотели сделать чуваш крепостными. Для этого они заставляли сажать картофель. Но чуваши не послушались и оказали сопротивление. Особенно был большой бой у с. Акрамова Козмодемьянского уезда, Казанской губернии. (Шорҫа вăрҫи—в документах упоминается под 1840 г.).

Помимо этих преданий, у чуваш есть предания и по многим другим вопросам. Вот темы чувашских преданий: чувашские мурзы; чувашская старинная вера, принятие христианской религии; переселения; волжские разбойники; христианские храмы, духовенство; судьи; правители; занятия; ремесла; орудия; грамотность; школа и т. д. По изложению, чувашские предания напоминают сказки; разница только та, что здесь нет словесных прикрас; предания кратки; здесь заметно стремление выдержать серьезный тон. В общей массе эти предания более или менее верно отражают соответствующую эпоху или чисто местный и случайный эпизод. Так, рассказы о грабительстве Пугачевцев и притеснениях богатым чувашам подтверждаются историческими документами о том же; предания об Акрамовском бое доказываются документами 1840-х годов. Сколько селений в чувашском районе, столько можно указать и преданий у чуваш. Кроме того, некоторые чувашские предания существуют среди некоторых татар и русских, которые происходят от чуваш, но отатарились или обрусели в силу благоприятных для этого исторических условий. Поэтому в общей сложности чувашских преданий надо считать свыше 3000.

Пословицы

Автором каждой пословицы в отдельности было какое-либо одно лицо, но меткое определение, удачное сравнение сделали ее общенародной. Наконец и автор терялся; сама же пословица делалась элементом исключительно народной речи и народного мышления. В этом смысле следует понимать выражение Даля „по-

словица не сочиняется, а рождается". Личные и групповые моменты связаны в ее создании неразрывно. Пословица делается беспрерывно, на наших глазах. С литературной стороны пословица либо поэтическое произведение, если она изображает конкретный случай, или прозаическое, если является простым наставлением. На веку стал нужен и ненужный зазубрившийся топор (кирлĕ мар каҫăк пуртă та ĕмĕрте кирлĕ пулнă тет). Эта пословица может быть практическим, прозаическим наставлением: хороший хозяин не выбрасывает окончательно ни одной вещи, так как она может пригодиться в хозяйстве. Но таже пословица может быть иносказанием: относись ко всем хорошо, потому что нельзя прожить без людей, их помощи и содействия. Пословица является для простолюдина заместителем обширного содержания, сгущенного в ней. Приведем рассказ для доказательства этого положения. Мой сверстник свил новую плеть. Ею начал бить всякого попавшегося на глаза. Таким образом подошел к младшей сестре, которая сидела за едой, и ударил ее по голове. Сестра начала плакать. Мать услыхала и прибежала. Отняла плеть от сына и начала бить его самого, приговаривая: не тронь людей! не тронь! вот тебе! Поэтому-то и говорится: плеть, которая не умела бить, обернувшись задела самого. Ҫапа пĕлмен пушă хăйне ҫавăрăнса тивнĕ тĕҫҫĕ). „Ҫапа пĕлмен..." есть народная пословица, суммирующая весь рассказ. Таково-же происхождение пословицы: утка, которая растерялась, нырнула задом (аптăранă кăвакал кутăн ҭамнă тет) и др. Есть пословицы, которые можно рассматривать как обрывки песен, сказок, исторических сказаний и пр. Некоторые пословицы вышли из простого опущения предпосылок. Пословица: насморк и зевота ходят парой (сунаспа анас мăшăрлă ҫÿреҫҫĕ) имела следующие предпосылки: и насморк и зевота одинаково заразительны; если один зевнул, то и другой зевнет невольно. Пословица есть один из первых видов обобщения; она экономизирует силу, и в этом ее чрезвычайное значение для народного ума. „Говорящему", по замечанию Буслаева, „уже не нужно было трудиться в приискании приличного выражения для того нравственного закона, который берет он в основании при решении какого-нибудь частного случая. Стоило только вспомнить пословицу, а она сама, как общая мысль, невольно приходила на ум, вызываемая житейскими делами".

Форма пословиц обыкновенно свободная, складная, мерная, что достигается—ритмом, параллелизмом, риѳмом. По словам Буслаева, как для поэта игра звуков и течение мысли совпадают в одном творческом движении души, так и пословица создавалась взаимными силами звуков и мысли".

Самым лучшим опытом схематизации пословиц считается схема английского ученого Гомма (Handbook of folklore).

Основой для нее послужила работа русского ученого Снегирева: Русские в своих пословицах. Рассуждения и исследования о русских пословицах и поговорках. (Москва 1831—1834. 16⁰. Ч. I—IV).

Снегирев, а за ним Гомм в своих исследованиях по народной пословице делят пословицы на антропологические, юридические, естественно-научные и исторические. Каждый из этих видов пословиц делится на соответствующие подвиды, напр., естественно-научный на земледельческий, астрономический, медицинский и т. п.

Чувашские пословицы могут быть также поделены на указанные виды. Они обнимают все стороны народной жизни—религию, культ, натур-философию, внешний быт, право, общественный строй, мораль, практические приемы, семейную жизнь. Здесь можно найти и календарь, и агрономические указания, и юридические формулы, и приметы.

К антропологическим пословицам следует отнести те, в которых содержатся понятия народа о языке, религии, обычаях, нравственности и т. п.

Общее значение пословиц чуваши оценивают так: ваттисем калани вырăнлă—то, что сказано стариками, уместно, т. е. имеет жизненное, практическое значение.

Климатические условия обитания в чувашских пословицах находят для себя соответствующие выражения. Холод и тепло имеют существенное отношение к земледелию чувашина; по различным степеням их чувашин заключает к тому или иному состоянию урожая. Сюда относятся следующие изречения: Если в новый год днем ясно, хлеб будет хорош—ç̆ĕнĕ çул кунĕ уйар пулсан, тырă аван пулаŏ. Если в новый год тепло, рожь будет хороша, если ветер, уродится просо, если туманно и пасмурно—овес—çĕнĕ çул кунĕ ăшă пулсан, ыраш лайăх пулаŏ; çил пулсан, вир пулаŏ, тĕтрелĕ пулсан, сĕлĕ пулаŏ. Если в крещенье очень холодно, летом, когда выйдут жать, будет очень жарко; если тепло (идет снег), то хлеб будет хороший, густой и темный.—Крещени вăхăтĕнçе пит сивĕ пулсан, çула та тырă вырма тухсан, пит шăрăх пулĕ; ăшă пулсан (йур çусан), тырă лайăх тĕттĕм те çăра та пулаŏ. Если в прощальное воскресенье будет тепло, хлеб будет—аслă çăварни кунĕ ăшă пулсан, тырă пулаŏ. Если на 1-й неделе великого поста будет тепло и капель, все лето будет ясно, а если холодно,—ненастье. Хĕрен эрнинçе ăшă пулсан тумла йухсан, çăвĕнех уйар пулаŏ, сивĕ пулсан йĕпе пулаŏ.

Холод зимний заставляет чувашина быть постоянно в полушубке: хĕлле кĕрĕкпе намăс мар—зимой не стыдно в полушубке.

Пища, даже скромная, должна быть заработана. Сытым бывает тот, кто рано встает—ир тăракан тутă пулнă тет. Есть легко, работать трудно—çиесси çăмăл та, ĕçлесси йывăр. Хлеб за брюхом

не ходит—хырăм хыççăн çăкăр çÿремест. Брюхо ходит за хлебом—хырăм çăкăр хыççăн çÿрет.

Голод является одним из самых могучих средств заставит человека трудиться.

Вечернее брюхо прощает, утреннее не пропускает—каçхи хырăм каçарать, ирхи хырăм каçармасть. С голоду и хлеб вкусен, а поешь и мед горек сказали древние—выççассăн çăкăр та тутлă, тăрансан пыл та тутлă тенĕ авалхисем. Не укусишь пальца, приняв за мед—пыл тесе пурнене хыпса çăтаймăн. Брезгливость и взыскательность в пище вредят самому же человеку. Хорошая лошадь не избегала стога, добрый человек не боялся хлеба—ырă ут капантан хайман, ырă çын çăкăртан хăраман (писмен), тет. Кто брезгует, тот скоблит донышко блюда (принужден бывает питаться очень плохо) —тиркекен тирĕк тĕпне хырнă, тет.

Человеку не приходится быть особенно разборчивым в пище. Многие продукты, из которых готовятся вкусные блюда, не всегда можно достать. Если бы было мясо, приготовила бы пирог, да муки нет—аш пулсан хуплу тăваттăм та, çăнăх çук. Если сварить кашу, не жалей и масла—пăттăна пĕçерсен çуна та ан хĕрхен.

Умеренность требуется не только в пище, но и в питии. Водка и пиво хороши, если употреблять их по немногу и в нужных случаях, иначе они приносят человеку ничем неустранимый вред. Хмель—невидимый враг человека—хăмла етемĕн курăнми тăшманĕ. Попойка оставляет умному половину ума, а полоумного совсем делает дураком—ĕçкĕ ăслине çурма ăса хăварать, çурма ăслине пĕтĕмпех ухмахлантарать.

Языческие установления и обряды, в виду их первенствующего положения в жизни чувашина, не могли не отразиться на пословицах. Чувашин верит в духов добрых и злых, в судьбу, в йумăç'ей, в действенность жертвы и т. п. Судьба решает все, не считаясь ни с чем. То, что определено судьбой, приходит к самому дому—пÿрни пÿрт умнех килсе тăрать. Жертва, которую чувашин приносит духам добрым и злым, составляет его обязанность и вместе с тем приятную пищу. Слово человека не суп чука—çын сăмахĕ тÿк шÿрпи мар. Люди, чрез которых чувашин узнает волю божества, называются йумзями. Они так же необходимы, как мельница, как кузнец. Кузнец не остается без людей, мельница не стоит без людей, йумăç не живет без людей—тимĕрçĕ çынсăр тăмĕ, арман çынсăр тăмĕ, йумăç çынсăр тăмĕ.

Обычаи народные в пословицах нашли свое выражение. Центром внимания здесь служит семья, отношение мужа к жене, отношение родителей к детям, к родственникам, к соседям. Будущее каждой семьи находится в руках кепе, божества, распределяющего жребии. Внимание этого кепе можно привлечь к себе чрез посред-

ство старейших. Молитвенное слово старого человека доходит до кепе—ватӑ ҫын кӗл-кӗленӗ сӑмах кепене ҫитнӗ.

Благополучие семьи нарушается, помимо ее воли. В ней не обходится без недостатков. Дом не бывает без свечей—ҫурт ҫур-тасӑр пулмасҭ. И пальцы не равны совершенно—пурнесем те пӗр тан мар. В семье власть принадлежит мужу. Кто живет по указке жены стал козой, говорят.—Арӑмӗ сӑмахӗпе ҫӳрскен каҭака пулнӑ тет. Устройство семьи и трудно и хлопотливо. Отыскать невесту для сына составляет очень трудную задачу родителей. Чем вешаться на сухой сучек, лучше повеситься на живой сучек.—Хӑрӑк турата ҫакӑниҭҭеп, ҭӗрӗ турата ҫакӑнас. При выборе невесты следует обращать внимание на характер ее матери. Смотри на мать и бери дочь.—Амӑшне пӑх та, хӗрне ил. Уходящая в замужество девица стремится взять с собой побольше добра; у семьи же ее стремление дать поменьше. От уходящей девицы прячется даже веник.—Қайан хӗртен шӑпӑр та тарса пытаннӑ тет.

Жизнь семьи прочна, если в ней царит любовь. Эта жизнь прочнее каменных стен (Тӑванӗпе тӑванӗ тӳрӗ пурӑнни ҭул хӳмерен те тӗреклӗрех). Кто воспитывает детей не умирает с голоду, кто смотрит за лошадью, не ходит пешком.—Аҭа пӑхакан выҫса вилмен, ута пӑхакан ҫуран ҫӳремен. Воспитание детей требует постоянного и неусыпного внимания. Кто надеется на детей, остается при одном глазе; кто надеется на работника, остается совершенно слепым—аҭа—пӑҭана шанакан хӑрах куҫлӑ пулнӑ, тет; тарҫа шанакан сӗм—суккӑр пулнӑ, тет. Пока дети малы беда матери; когда выросли, помощь отцу.—Аҭа-пӑҭа пӗҭӗк ҭухне амӑшне инкек, пысӑклансан ашшӗне пулӑшу.

Не только семье, но и всем вообще не дурно бы жить в мире и согласии. Многое кончится, малого достанет; что сравнится (достанет) с жизнию вместе.—Нумай пӗтӗ, сахал пӗтӗ; пӗрле пурӑннине мӗн ҫитӗ. Лучше иметь сто друзей, чем сто рублей.—Ҫӗр сум укҫу пулиҭҭен ҫӗр тусу пултӑр. У каждого дома свой оттенок; свой круг знакомых. По семье—приходящий.—Қил-йышне кура пыран ҫын.

Нравственные начала, которыми должна руководиться каждая семья, каждое общество, должны быть таковы.

Важнее всего в человеке душа его. Если есть душа, воспитаем и среди камней.—Ҭун пулсан ҭул хушшинҭе те усрӑпӑр. Совесть—основа нравственности.

Кто не стыдится, стал йумӑҫ'ю; кто не ленится, стал мастером.—Вӑтанман йумӑҫ пулнӑ тет, ӳркенмен ӑста пулнӑ тет. Глаза собаки не признают темноты—йытӑ куҫӗ тӗттӗме пӗлмен тет.

Человеку свойственно ошибаться. И добрый конь спотыкается и добрый человек не бывает без ошибок.—Ырӑ ут та такӑнмасӑр пулмасҭ; ырӑ ҫын та йанӑшмасӑр пулмасҭ. Однако, человек должен

избегать зла. Не делай зла, и тебе не будет (причиняться) зло.—Усал ан ту, хăна та усал пулмĕ. Злой, своенравный человек смотрит как бык, готовый забодать.—Усал, кутăн çын, сĕкес вăкăр пек пăхать. В своих действиях человек должен поступать так, как велит ему разум. Если всегда будешь жить (ходить) с умом, деревенский старик не будет бранить.—Йалан ăспа çӳресен, йалти ватă йатлămасть. Не хвали самого себя: есть лучшие тебя.—Хăна ху ан мухта: санран лайăхраххи тата пур. Жалость к людям хорошее дело, но и здесь нужна осмотрительность. То, что принадлежит человеку, который жалует, поела красная собака.—Хĕрхеннине (хĕрхеннĕ çыннăнне) хĕрхĕ йытă çинĕ, тет. На всех не угодишь. Для всех не будешь солнцем и луной.—Пуриншĕн те уйăхпа хĕвел пулаймăн. Длина века не длина веревки.—Ĕмĕр тăрăшши вĕрен тăрăшши мар. Поэтому приходится всему и всегда учиться, все взвешивать, обдумывать. Кто обдумывает со всех сторон (поворачивая), тот живет и умом. Çавăра-çавăра шухăшлакан, пурăнма та ăслă пурăнать. Благополучие человека зависит от труда его. Не бойся работы, пусть она сама боится тебя.—Ĕçрен ан хăра, вăл хăй сантан хăратăр. Чем стоять так (без дела), хоть крути полу полушубка.—Ахаљ тăрицђен кĕрĕк аркине те пулин йăвала, теççĕ. Труд производителен, когда совершается миром. Народ плюет, делает озеро; один плюет, совсем высыхает.—Халăх сурать, кӳлĕ тăвать; пĕр çын сурать, типсех пырать. Воробей не умирает (с голода) в деревне.—Йалта çерçи вилмест. Если жить в обществе выгодно, то обязанность каждого поставить себя в определенные рамки. Бог дал человеку 2 уха и 1 язык, чтобы говорить поменьше, слушать побольше.—Турă панă икĕ хăлха та пĕр ђĕлхе, сахалтарах калаçма, нумайтарах итлемешкĕн. Не верь слову человека, если не видел собственными глазами.—Çын сăмахне ан ĕнен ху куçупа курмасан. Лошадь отвяжется, поймается; слово отвяжется не поймается—Ут вĕçĕренет тыттарать; сăмах вĕçĕренет, тыттармасть. Прежде чем молвить слово, обдумай 3 раза.—Пĕр сăмах калаçађђен, виçĕ хут шухăшласа ил. Не видал, не знал—одно слово, видел, знал—1000 слов.—Курман илтмен пĕр сăмах; куртăн илтрĕн пин сăмах.

Пословицы юридического характера вращаются, главным образом, около деревни и ее руководителей. Власть в деревне принадлежит старикам. Приговоры их обязательны для всех. Не полагается стоять против решения старцев, потому что оно выносится справедливо и по достаточном обсуждении. Не противоречь, когда говорят старики; слушай их молча.—Ватгисем калаçнă ђух, вĕсен сăмахне ан пӳл, пĕр ђĕнмесĕр итлесе тăр.

Суд дело хорошее, но лучше обходиться без суда. Человек больше выиграет, если не будет судиться даже в том случае, когда ему проломят голову или сломают руку. Если раскололась голова,

го пусть будет в шапке; если сломалась рука, пусть будет в рукавицах.—Пуç çурăлсан çĕлĕк ăшĕнче пултăр, алă хуçăлсан алса ăшĕнче пултăр. Чем видеть глаза суда, смотри на его зад.—Сутăн куçне куриччен кутне кур. Куда наклонно, туда течет вода.—Шыв ăçталла тайлăк, çавăнталла йухат. Решение суда накреняется то в ту, то в другую сторону. Судебное дело подобно воде в корытце. Сут ĕçĕ такана çинчи шыв пек. Рука белеет, если мыть одну о другую.—Алă хире-хирĕç çусан шуралат.

Среди пословиц *естественно-научного* характера первое место занимают земледельческие. Наша кормилица, говорит чувашин, соха; она всем помогает, трудится без смены; для всех работник на веки.—Пире тăрантакан суха пуç, пурне те пулăшакан, пĕр улăшăнмасăр тăрăшакан, ĕмĕр ĕмĕрех пурне те тарçă. Ячмень в шесть—десят дней садится за стол.—Урпа утмăл кунта кĕрекене ларат, теççĕ. Уборка хлеба хорошо идет, когда она совершается артелями. —Прекрасно молотить хлеб двенадцати, одному хорошо есть петуха.—Вуниккĕн ыраш çапма аван, пĕччен алтан çиме аван, теççĕ.

Чувашские наблюдения над природой послужили предметом специальной работы А. В. Смоленского под заглавием: Чувашские приметы о погоде и влияние ее на сельское хозяйство (Изв. О. Арх. Ист. Этн. т. XIII, в. 3, стр. 147—221). Здесь приведено 468 народных изречений о погоде. „Любопытно, что чувашские приметы не имеют наклонности к образности и складности речи. Не то русские и французские. Напр., у русских: пришли Евдокеи—мужику затеи (1 марта). Трещит Варюха—береги нос да ухо (4 дек.)" (А. В. Смоленский). У чуваш: ветер в Симеонов день—к неурожаю. Симеонов день теплый, вся осень теплая (Смол. 319). Если в зимнюю Николу снег, в вешнего дождь (Смол. 324).

К *историко-этнографическим* пословицам могут быть отнесены следующие.

Лживого как мишарь, дурного как русский, смирного как чувашин, нет и человека.—Мишер пек суйеççи, вырăс пек усалли, чăваш пек йăвашши çын та çук. После мишаря велено садиться поскобливши скамейку.—Мишер сакки çине саваласа ларма хушнă. Татарина и мишаря не вводи даже в дом.—Тутарпа мишере çуртна та ан кӳрт. Когда есть, по—башкирски; когда нет, по—калмыцки. —Пур чухне пушкăртла, çук чухне калмăкла. Мишарь, насмехаясь над чувашином, говорит: чувашин, пропадая без дела, начинает ломать крышу.—Мишер чăвашран кулса: чăваш ĕççĕр аптăрасан, хуралтă пăсма тытăнат, тет. Тому, кто при входе настежь отворяет двери, говорят: отворяешь и входишь как русский.—Алăка пит чари уçса кĕрекене: вырăс пек уçса кĕретĕн! теççĕ. Что скажешь про время Ивана.—Иван чухнехи пурăнăçа мĕн калăн. Как в этих изречениях, так и во многих других, подобных им, надо видеть от-

голоски исторических переживаний народа. Тягостное для русских татарское иго закончилось для них в 15 веке, но чуваши, жившие по соседству с татарами, терпели не мало бедствий и в последующие века. Злоупотребления среди чуваш русского служилого элемента и простонародья начались с 16 в. и не прекращались и в следующие века. Другие народности, напр., башкиры и калмыки относились к чувашам, сравнительно с прочими, лучше, почему и тон самых пословиц здесь более ровный и спокойный, чем относительно татар и русских. Если совместная жизнь с татарами давала чувашам одни только огорчения, то в совместной жизни с русскими народная память указывает на время Иоанна Грозного, как золотую эпоху: были привеллегии податные; получено было немало земли, леса и рыбных озер.

Загадки.

Загадки, как и другие виды народного творчества, имеют разные оттенки. В древнейших загадках отражается первобытная миѳическая символизация; поэтический образ служил здесь отчасти для описания, отчасти для об'яснения явлений природы и окружающей обстановки.

Небесные явления поражают ум первобытного чувашина. Он старается их об'яснить путем сопоставления с теми явлениями, которые ему известны. Для мысли, привыкшей работать наглядно, образно, все явления представлялись результатом действия живых существ.

Исчезновение луны чувашская загадка изображает так. Стоит дуб без корней и сучьев; на вершине дуба сидит птица; к птице подходит старик, тянет и спускает без рук, закалает без ножа, варит без жару, ест без зубов.—Тымарсăр туратсăр йуман тăраŷ; йуман тăрринђе кайăк патне старик пыраŷ, туртаŷ, антараŷ алăсăр, пусаŷ çĕçĕсĕр, пĕçерет кăварсăр, çийет шăлсăр (уйăх пĕтни).

Другая чувашская загадка изображает луну в человеческом образе вожатого: за одним человеком идет тысяча человек.—Пĕр çын хыçĕнђе пин çын пыраŷ.

Рассвет представляется делом каких-то существ, живущих вдали, за железными дверями. Не отворются железные двери, если не придет бумага из Казани.—Хусантан хут килмесĕр тимĕр алăк уçăлмĕ.

О происхождении росы загадка говорит следующее: когда бежал, серебряное кольцо выпало, его увидала луна и взяло солнце.—Ђупса ђупса пынă ђухне кĕмĕл çĕрĕ тухрĕ-ӳкрĕ; ăна уйăх курђĕ те хĕвел илђĕ (сывлăм). Мороз возникает не иначе, как вследствие работы особого существа. Без рук без ног, вышивает узоры (зимний холод).—Алăсăр урасăр тĕрĕ тĕрлет (хĕл сивви).

Многие явления в жизни человека зависят от колдуньи, которая может оборачиваться в свинью, лошадь, в овцу и т. п. Ее присутствие не желательно. Уходи, уходи, колдунья, на двор; входи уничтожительница внутрь (опахивание пыли)—Тух, тух, тухатмăш, тулалла; кĕр пĕтермĕш шалалла (çўпĕ шăлни).

В старину загадкам приписывалось особое таинственное значение. По верованию народа, у того, кто отгадывал, должны были исполниться его желания; он был гарантирован от опасности. В настоящее время такого значения загадка не имеет; народ смотрит на загадку как на простое упражнение ума. Загадка становится вопросником по разным отраслям знания; причем сохраняется прежняя иносказательная, аллегорическая форма, остается прежний образный язык.

Загадка является своего рода архивом или музеем исторических древностей народа. Древняя культура и постепенный рост ее находят в загадке некоторое отражение. Были времена, когда жилища чувашина были без дверей и окон (пещеры). На месте без дверей и окон живет семьдесят (огуречное семя).—Алăксăр ҫўреҫесĕр çĕрте çитмĕлĕн пурăнаççĕ (хăйар вăрри). Одним из древнейших видов построек была лачуга. Это простое бревенчатое, в большинстве случаев, досчаное строение, без окон с дверью и иногда с отверстием наверху для дыма. Для безопасности такое жилище ставилось в местах, укрепленных самой природой.

На краю крепости стоит белая лачуга (ухо).—Сăрт хĕрринҫе шурă лаç ларать (хăлха). Двое братьев живут всего чрез крепость, однако друг друга не видят (глаза).—Икĕ таван сăрт урлă анҫах пурăнаççĕ, çапах пĕр пĕрне кураймаççĕ (куçсем). В местах древнего обитания чуваш были и слоны. Две пигалицы играют игру, слонзверь пьет воду (лошадь пьет воду).—Икĕ текерле вăйă выҫать, ăслан кайăк шыв ĕçет (лаша шыв ĕçни). В лесных пространствах чувашин занимался охотой. В темном лесу поймаю и принесу желтого цыпленка (посконь).—Сĕм вăрмантан сарă ҫĕпĕ тытса тухăп (пуса). Огонь в жилище поддерживался таким образом. Красные горящие уголья в горне закрывались золой и сохранялись до следующей топки. Огонь имел мистическое значение; он старательно поддерживался семьей. Семья и огонь в загадке связаны как собственно загадка и ответ на нее. К старшему брату направляется свадьба, у младшего брата проведет ночь (сохранение в горне после топки горячих красных углей).—Пиҫҫĕш патне туй ўкĕ, шăлнĕ патĕнҫе çĕр каçĕ (Вутă хутсан вуҫахра кăвар çĕр каçни). Самому браку и обрядности его в загадке уделяется значительное место. Под одним покрывалом четыре девушки плачут (стол). Пĕр пĕркенҫек айĕнҫе тăват хĕр йĕрет (сĕтел).

В русский период своей истории чуваши подверглись новым влиянием. Поля стали делиться по новому. Между ними стала проводиться межа. В поле лежит длинный русский (межа загона).—Уйра вăрăм вырăс выртаť (ана йăранĕ). Вошли в обращение деньги. Низенький казак рубит деревню (деньги).—Лутра касак йал касаť (укçа). Стали регулярно собираться подати. Большой дьяк тратит, малый дьяк собирает (ножницы и игла).—Пысăк тийек салатаť, пĕҫĕк тийек пуçтараť (хаҫăпа йĕп).

Вводится христианство и становится обязательным крещение младенцев. Два раза родится не крестился, кричит и устрашает диавола (петух).—Икĕ хут çуралаť, тĕне кĕмен, кăшкăрăť те усала хăратаť (алтан). Все общественные дела решает мирской сход. Колеблется березовая трость, собирается черный люд (метение пола).—Хурăн хули хумханаť, хура халăх пуçтарăнаť (урай шăлни). Устанавливается особый суд. Около старшего судьи младший судья? —(горн). Аслă тўре умĕнҫе кĕçĕн тўре? (вуҫах). Жилище чувашина освещалось лучинкой на особой подставке. Сорока летит, кал сорится (горение лучины).—Ҫакак вĕçсе пыраť, пăхĕ тăкăнса пыраť (хăйă çунни).

Для приготовления пищи над горном висит котел. Черная собака висит, красная собака лает (висение котла в горне, на огне). —Хура йытти çакăнса тăраť, хĕрлĕ йытти вĕрсе тăраť (вуҫахра, вут çинҫе хуран çакăнса тăни).

Наблюдения чувашина над явлениями природы имели своим результатом сотни загадок. Приводим некоторые из них. Не гниет в земле, не тонет в воде (уголь).—Çĕртс çĕрмест, шывра путмасť (кăмрăк). В воде не утонет, в огне не сгорит (тень).—Шывра путмĕ, вутра çунмĕ (ĕмĕлке). Опустил в воду, не потонуло (не топленое масло).—Шевиккĕн шенкерти, шыва йатăм путмарĕ (услам çу). И зимой и летом один вид (ель).—Хĕле те, çула та пĕр тĕс (ҫăрăш). Душа есть, крови нет (таракан).—Ҫунĕ пур та йунĕ çук (таракан). Есть кровь, нет души (рябина).—Йунĕ пур та ҫунĕ çук (палан). Без рук, без ног, прокладывает мост (мороз).—Алăсăр урасăр кĕпер хываť (сивĕ). Без рук, без ног долбит большой ковш (капля).—Алăсăр урасăр алтăр ҫакалаť (тумла).

Год в загадке изображается так. 12 орлов, 52 галки, 365 скворцов снесли 1 яйцо.—Вуникĕ ăмăрт кайăк, аллă икĕ ҫавка, виççĕр утмăл пилĕк шăнкăрҫă пĕр çăмарта тунă (çулталăк).

Как видно из пред'идущих примеров на чув. яз., по своей форме загадки примыкают к пословицам: та же мерная речь, то же частое употребление риѳмы и созвучия слов. Иногда только вопросительная форма делает из пословицы, присловья или поговорки загадку.

Н. Никольский.

Должностные лица

Общества Археологии, Истории и Этнографии при Казанском Университете (с 1920 г.).

Председатель проф. Бруно Федорович Адлер (Ново-Горшечная ул., д. Кривоносова).

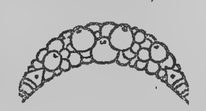
Товарищ председателя проф. Митрофан Васильевич Бречкевич, (Попова гора, д. Чиркиной).

Члены Совета: 1) проф. Николай Федорович Катанов (переулок 3-й гимназии, д. Гурячкова), 2) проф. Константин Васильевич Харлампович (Поперечно-Горшечная ул., д. Знаменской), 3) проф. Алексей Максимович Миронов, 4) проф. Валентин Тихонович Дитякин, 5) проф. Сергей Евфимиевич Малов (2 Академич., собств. дом), 6) Петр Максимилианович Дульский (Н. Федоров,, д. 65), 7) Борис Николаевич Вишневский (Б.-Прол. „Бристоль“ № 26), 8) проф. Аркадий Иванович Емельянов, 9) Мих. Георг. Худяков (Б. Казан. ул.).

Библиотекарь Борис Всеволодович Миллер.

Казначей Яков Александрович Соколов.

Секретарь и редактор „Известий“ Николай Васильевич Никольский (Б.-Проломная ул., д. Кузнецова).

Содержание книжек „Известий Общества Археологии, Истории и Этнографии при Казанском Университете“ составляют:

1) Оригинальные и переводные статьи по общим вопросам археологии, истории и этнографии;

2) Специальные исследования и статьи по археологии, истории и этнографии Восточной России (Поволжья, Средней Азии и Сибири);

3) Материалы археологические, исторические и этнографические, относящиеся к Восточной России: мелкие оригинальные сообщения, акты, произведения народного творчества, словари инородческих языков и местных русских говоров, извлечения из периодических изданий Восточной России;

4) Хроника. Известия о музеях Восточной России, о находках, раскопках, об экспедициях археологических, археографических, археологических и этнографических, о прочитанных в заседаниях русских ученых обществ рефератах, имеющих отношение к Восточной России;

5) Программы по специальным вопросам археологии, истории и этнографии Восточной России: отдельные вопросы редакции;

6) Библиография: обзор книг и статей местных, общерусских и иностранных периодических изданий, имеющих отношение к археологии, истории и этнографии Восточной России.

В „Известиях“ принимают участие: Е. Ф. Адлер, Н. И. Ашмарин, М. В. Бражкевич, Н. А. Бобровников, В. М. Васильев, Н. Ф. Высоцкий, Н. Н. Грацианский, П. М. Дульский, А. И. Емельянов, Н. Ф. Катанов, Б. Н. Вишневский, С. Е. Малов, Н. С. Михеев, А. Г. Муравьев, Н. В. Никольский, В. Н. Огородников, Н. Н. Петровский, И. М. Покровский, С. И. Порфирьев, В. Ф. Смолин, А. М. Селищев, Н. А. Стратонов, К. В. Харлампович, М. Г. Худяков, С. И. Шестаков и друг.

Статьи, присланные для помещения в „Известиях“, подлежат в случае надобности изменениям и сокращениям.

Действительные члены Общества, вносящие членский взнос в размере 25 р., и лица, помещающие свои статьи в каждом выпуске, получают издание безплатно.

Денежные суммы и статьи адресуются:

В г. Казань, Университет, Обществу Археологии, Истории и Этнографии.

Редактор *Н. Никольский.*

у 0-10к

